

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ  
ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ИЗУЧЕНИЕ ДИАСПОР  
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ**

---

Рассмотрение групп южноазиатского происхождения за рубежом предполагает обращение к отечественным и зарубежным публикациям по проблемам этничности, этнической идентификации, миграции населения и существования этнических групп иммигрантского происхождения в инокультурной среде и, конечно, диаспор.

Как справедливо заметили авторы коллективного труда «Этнические процессы в современном мире», важные социально-экономические сдвиги в динамике численности населения Земли произошли после Второй мировой войны [Этнические процессы 1987: 417]. Наряду с экономико-политическими трансформациями они привели к оформлению длившихся столетия процессов перемещения и адаптации мигрировавшего населения в принимающих обществах.

Начало этим социально-политическим процессам положило формирование многочисленных (преимущественно морских) путей, а развитию способствовала колонизация многих территорий Азии, Африки, Австралии, островов в Индийском, Атлантическом, Тихом океанах. В результате влияния многочисленных социальных, экономических, правовых, исторических, этнокультурных, географических факторов, благодаря влиянию миграционных процессов в Северной и Южной Америке, Австралии, Новой Зеландии стали доминировать выходцы из Европы, преимущественно англо- и испаноговорящие представители европейской, христианской по корням, но в последнее время значительно секуляризированной культуры.

Колониальное прошлое и миссионерская активность сказываются и в Африке, где значительная часть населения помимо местных языков пользуется английским и французским, а кроме местных верований признает различные формы христианства, уживающиеся с более древними аборигенными формами верований, соперничающими, а иногда и находящимися в прямом конфликте с исламом. Африканское по происхождению население составляет значительную часть населения Северной Америки (прежде всего афроамериканцы США) и Южной Америки (прежде всего — негры и мулаты Бразилии), а также Вест-Индии.

Миграция населения породила целые сети земляческих общин китайцев в Малайзии, Индонезии, Сингапуре, США, Канаде, Великобритании, Гайане и Суринаме, во многих других уголках мира.

Все это позволило исследователям говорить о новых диаспорах, в чем-то сходных, а в чем-то и отличных от общин евреев в рассеянии, которые когда-то и были названы диаспорой.

Появление новых этнических диаспор, порожденное развитием торговых отношений и развитием колониальных связей, можно считать одним из важных явлений современного мира. Резкое расширение и усложнение взаимосвязей народов и государств, вызванное промышленной революцией, созданием новых средств транспорта и связи, формированием мирового рынка, массовыми миграциями, интенсификацией международных контактов и обменов, положивших конец изолированному существованию стран и народов, получило название глобализации [Тураев 2001: 26]. Сегодня этнические общины за рубежом уже не являются изолированными единицами. У них существуют многочисленные связи между собой, а также с центром их происхождения — исторической родиной. Но так же, как формированию диаспор предшествовало появление отдельных этнических общин за рубежом, изучению диаспор — диаспороведению — предшествовало исследование отдельных инорасовых, иноязычных, инокультурных групп.

Иммигранты и их потомки, формирующие этнические меньшинства, являются предметом пристального изучения американских, британских, канадских антропологов и социологов в силу своей непохожести на представителей большинства, непохожести, получившей название «этничность» и восходящей к греческому слову «этнос» — народ.

Американская и британская школы социологии и антропологии уделяют проблеме интерпретации и объяснения феномена этничности достаточно большое внимание. Однако этничность для них — это нечто касающееся «чужих», не «своих», что позволило российскому исследователю Е.Л. Тороповой назвать англо-американский подход к данной проблеме «маргинальной этничностью» [Торопова 1999: 3]. По наблюдению Тороповой, понимание, что своя (т.е. доминирующая) культура этнической быть не может, «удивительным образом закрепилось в европейской научной традиции и приобрело прямо-таки абсолютный характер в американской литературе» [Там же].

Предполагалось, что доминирующая в стране культура не имеет этничности. «Негласным правилом американской антропологии и социологии стало отсутствие “этничности” у людей, чья культура стала образцом подражания в американском обществе» [Там же: 5]. Как замечает Торопова, Л. Уорнер, выпустивший в 1940-х годах серию книг о городских коммунах Америки [Warner, Lunt 1942; Warner, Strole 1945] и,

вероятно, первый введший термин «этничность», не распространяет его на белых англосаксов, исповедующих одну из деноминаций протестантизма и составляющих большинство населения США.

Исключение так называемых УОСП (WASP), т.е. белых протестантов, принадлежащих к «англосаксонской расе» (White Anglo-Saxon Protestant), образующих ядро американской нации, ставило почти знак равенства между этнической группой и группой иммигрантского происхождения. Гарвардская энциклопедия этнических групп в США, рассматривающая преимущественно именно иммигрантские по происхождению группы, перечисляет следующие характерные черты этнической группы.

- Общее географическое происхождение.
- Статус мигранта.
- Принадлежность к той или иной расе (понимаемой весьма широко).
- Язык или диалект.
- Религиозная принадлежность или исповедуемые религии.
- Родственные, соседские и другие связи, а также факторы разграничения между общинами.
- Разделяемые традиции, ценности и символы.
- Литература, фольклор и музыка.
- Пищевые предпочтения и запреты.
- Районы проживания и экономические ниши.
- Интерес к проблемам политики стран происхождения и принимающих стран.
- Учреждения, служащие целям группы и поддерживающие ее сохранение.
- Присущее членам группы чувство своей особенности.
- Восприятие посторонними данной общности как особой группы.

[Harvard Encyclopedia... 1980: VII].

Группа социальных географов во главе с Валдинджером ограничивается определением этничности как «самоидентификации с определенной этнической группой» [Waldinger et al. 1990: 34]. П. Джексон определяет этничность как «средство, с помощью которого группы защищают завоеванные политические и экономические достижения» [Jackson 1985: 167]. К. Митчелл выделяет как особый случай «городскую этничность» и пишет по этому поводу: «Изучение этничности городских общин концентрируется на напряженности и совпадениях между принципами организации. С одной стороны, существуют культурные, исторические и географические группы людей, которые стали счи-

тать себя или рассматриваться другими как относящиеся к определенной группе, независимо от того, какую роль они играют в городской социальной системе. С другой стороны, существует функциональная дифференциация самой системы с ее определением задач и ресурсов» [Mitchell 1974: 37].

Оксфордский социогеограф К. Пич отмечает, что этничность не статична. Она является «измерением скорее ситуативным, чем категориальным. Этничность является не только продуктом взаимодействия в группе, она определяется и отношением к ней извне. Именно этничность других дает нам представление о собственной этничности. Так как у этничности много уровней и много уровней у этничности других, степень проявления этничности частично зависит от внешних действующих (сил, факторов)» [Peach 1983: 123].

Понятию «этническая группа» в англоязычной литературе уделено меньше внимания. Эта категория считается второстепенной, производной от этничности. Этническая группа трактуется как сообщество людей, обладающих этничностью, т.е., в понимании англоязычных авторов, людей, не принадлежащих к культуре большинства. Впрочем, эта позиция популярна, но не является единственной.

В своем исследовании, посвященном этничности, Глейзер и Мойнихан критикуют сложившуюся в западной литературе традицию, согласно которой термин «*этническая группа*» закреплен за подгруппами и меньшинствами. Напротив, отмечают они, он распространяется на все группы общества, характеризуемые (особенностями) культуры и происхождения [Glazer and Moynihan 1975: 2–5]. Пич отмечает: «В объяснении этнических групп, однако, важно понимать, что этничность — это соединение двух отдельных структур, биологической и культурной, в слитое единое целое, воспроизведение генетического элемента, влияния среды, воспроизведение культуры, так что фенотипический элемент пропитан культурным влиянием (значением)» [Peach 1983: 103–105].

Значительный интерес к проблемам этничности и этнических групп в англоязычной литературе в определенной степени связан с особым характером американского общества. Коренные жители (индейцы, алеуты и эскимосы [инуиты]) составляют небольшую часть населения страны. В стране доминируют потомки выходцев с Британских островов — англичан, шотландцев и валлийцев, но существуют и другие группы иммигрантского происхождения: немцы, голландцы, итальянцы, поляки, евреи, украинцы, русские и многие другие. В последние годы в США растет число представителей испаноговорящего населения — иммигрантов из Мексики и Пуэрто-Рико, других стран Латинской Америки, а также их потомков. Стремительно увеличивается число американцев китайского и индийского происхождения.

Именно интересом исследователей к данной проблеме, а подчас и обеспокоенностью американцев перспективами адаптации этнических меньшинств иммигрантского происхождения продиктовано появление значительного числа теоретических работ, посвященных проблемам их адаптации в инокультурном окружении. Авторы «Гарвардской энциклопедии» условно разделяют теории адаптации на «ассимиляционные» и «плюралистические». Ассимиляция, по их мнению, предполагает процессы гомогенизации общества, в то время как плюрализм означает сохранение этнического разнообразия и неоднородности общества [Harvard Encyclopaedia 1980: 150].

Один из основателей чикагской социологической школы Р. Парк определял ассимиляцию как процесс интерпретации и соединения, в котором личности или группы заимствуют элементы культуры других людей или групп и, разделяя их опыт и историю, включаются в их общую культурную жизнь [Park 1975]. Британский исследователь Ш. Паттерсон более категорично видит в ассимиляции полную адаптацию меньшинства принимающим обществом [Patterson 1964], что, впрочем, надо понимать как идеальную цель. Социолог М. Гордон предложил для американского общества модель адаптации меньшинств, которую он назвал англоконформизмом [Gordon 1964: 88–89].

В Америке же возникла идея «плавильного тигля» (или «плавильного котла»)<sup>1</sup>, предполагавшая появление новой нации, в которой все группы, смешавшись, обрели бы новые черты. При этом предполагалась полная ассимиляция меньшинств, но и большинство, в данном случае «белые протестанты англо-американцы», выходили из тигля другими, становились бы частью «новой нации».

Вопреки привлекательности теории «плавильного тигля» многим исследователям, даже приветствовавшим ее, она казалась слишком упрощенной. Расовые и религиозные различия определенно препятствовали простой «переплавке». В 1944 г. американский исследователь Р. Кеннеди предложила своеобразную академическую редакцию пришедшей из области литературы и публицистики идеи «плавильного тигля» — ставшую чрезвычайно популярной теорию «тройного плавильного тигля» [Kennedy 1944: 1952]. Она основывала свою теорию на анализе данных по крупнейшим группам населения Нью Хейвена (США), однако проверка тех же данных К. Пичем [Peach 1980, 1981] показала несостоятельность этих выводов. Католики-ирландцы оказались ближе

---

<sup>1</sup> Одним из первых идею «переплавки» американцев в особую нацию высказал Гектор Сен Жан де Кревенкур в «Письмах американского фермера» (1782). Традиционно сам термин возводят к названию пьесы Израэля Зангвила «Плавильный котел» (1908). В последнее время журналисты используют термин «миски салата» (salad bowl), чтобы характеризовать мультикультурное общество.

англичанам-протестантам, чем собратьям по вере из числа итальянцев и поляков.

Идея «плавильного тигля» оказалась чрезвычайно популярной как среди американских политиков, так и среди ученых, но ожидаемого ими чуда не произошло. Не только афроамериканцы не были ассимилированы обществом в силу фенотипических различий, но и поляки, итальянцы, украинцы и многие другие сохранили в США в течение ряда поколений родные язык и культуру.

Британский исследователь Р. Баллард следующим образом характеризует теорию «плавильного тигля», на какое-то время казавшуюся исследователям пригодной и для Великобритании: «Долгое время основным положением либеральной мысли было предположение, что клановые и прочие связи традиционных обществ, основанные на особенностях культуры, религии, касты и расы, постепенно испарятся. Утверждалось, что заменить их должны современные общества, в которых рационально мыслящие индивидуумы, разделяющие универсалистские взгляды, будут непринужденно общаться, будучи освобожденными от темных иррациональных предрассудков и примитивных клановых лояльностей прошлого. Однако эти предположения оказываются развенчаны простым наблюдением того, что религиозные, расовые и культурные различия никуда не исчезают в большинстве современных обществ. “Идеальный плавильный котел” оказался национальной идеей общества, весьма мультикультурного по своей природе» [Ballard 1976: 196] (см. также: [Brown 1970]).

Итак, оставаясь идеальной целью, ассимиляция в США уже не представлялась простым решением. Вместо ассимиляции как полного поглощения меньшинства доминирующим обществом исследователи заговорили об этом как о процессе, фазами которого являются:

- 1) культурная или поведенческая ассимиляция;
- 2) структурная ассимиляция, т.е. вхождение в общества, клубы, другие учреждения принимающего общества;
- 3) брачная ассимиляция — многочисленные межэтнические браки;
- 4) идентификационная ассимиляция — развитие у члена меньшинства представления о своей принадлежности к большинству;
- 5) отсутствие предубеждений в отношении членов меньшинств;
- 6) отсутствие дискриминации;
- 7) гражданская ассимиляция — отсутствие конфликтов, связанных с системами ценностей большинства и меньшинства.

Культурная ассимиляция получила название *аккультурации*. Определение аккультурации, предложенное американскими социальными антропологами и опубликованное в середине 1930-х годов в американских антропологических журналах в тексте «Меморандума по аккульту-

рации», следующее: «Под аккультурацией понимаются те явления, которые имеют место, когда группы индивидуумов с различными культурами вступают в продолжительный и непосредственный контакт, вследствие чего изменяются первоначальные культурные модели одной или обеих групп» [Бахта 1963: 186].

Разработавший теорию ассимиляции американский исследователь Мильтон Гордон предполагал, что аккультурация является первой фазой ассимиляции и условием продолжения этого процесса, однако далеко не всегда за ней следует структурная ассимиляция. Опыт США показал, что культурные ценности нации принимаются почти всеми группами населения, однако вхождения членов многих меньшинств в структуры общества не происходит. Многие иммигрантские по происхождению меньшинства США остаются маргинальными группами американского общества. Впрочем, ассимиляционная теория Гордона, подвергшись в последние годы критике [Alba and Nee 1997], остается чрезвычайно популярной в США и Великобритании.

Британское общество представляет собой менее пеструю картину, чем американское. Тем не менее наличие значительных этнорасовых меньшинств<sup>1</sup>, таких как афрокарибцы, афробританцы, «азиаты» (выходцы из Южной Азии), китайцы и ряд других, позволило валлийскому исследователю В. Робинсону применить ассимиляционную классификацию М. Гордона к этническим меньшинствам Британии, в частности к выходцам из Южной Азии [Robinson 1982, 1986]. В соответствии с классификацией Гордона Робинсон выделил 12 подгрупп «азиатского» населения североанглийского города Блэкберна [Robinson 1982: 162–164], в разной степени принимающих ценности британского общества и принимаемые им.

Ассимиляция часто остается недостижимой целью, завершенность этого процесса должна быть каким-то образом выражена. С. Либерсон предложил считать, что «ассимиляция имела место, если более невозможно предсказать поведение отдельного представителя группы или группы в целом в большей степени, чем поведение всего населения в целом». Если же ассимиляции не происходит, то наблюдается плюрализм или этническое разнообразие общества.

Плюрализм понимается авторами «Гарвардской энциклопедии» как «сохранение этнических различий в обществе. <...> Плюрализм предполагает, что отличие одних этнических групп может быть более четким, других — менее, но цель плюрализма — в сохранении сосуществования разных этнических культур в рамках более крупного общественного организма» [Harvard Encyclopaedia 1980: 154].

---

<sup>1</sup> Термин В.И. Козлова.

После увлечения американской теорией ассимиляции британские исследователи пришли к выводу, что ситуация в английских городах, прежде всего в Лондоне, ближе к плюралистической, чем к ассимиляционной модели [Peach 1997]. В то время как сосуществование этнических меньшинств представляется многим исследователям и активистам из числа представителей этих меньшинств желанной целью, изолированность, сегрегация меньшинств иммигрантского происхождения до недавнего времени мыслились как признак неблагополучия общества и фактор дальнейшего ухудшения положения меньшинства. Специфика американского и британского жилого фонда, особенности социальной жизни американцев и британцев приводят к существованию такого явления, как социальная сегрегация, формой которой считается сегрегация этническая.

Теория социальной и этнической сегрегации разработана американскими и британскими социологами: Р. Парком [Park 1926, 1975], супругами О. и Д. Дункан [Duncan, Duncan 1955, 1975], О. Дунканом и С. Либерсоном [Duncan, Lieberman 1959], С. Либерсоном [Lieberson 1963], супругами К. и А. Таубер [Tauber, Tauber 1965], Ф. Боалом [Boal 1970, 1978], Е. Джонсом и Дж. Айлзом [Jones, Eyles 1977], Дж. Рексом [Rex, 1981], Дж. Рексом и С. Томлинсон [Rex, Tomlinson 1979], К. Пичем [Peach 1975, 1979, 1983, 1996, 1997] и др.

Ими был разработан целый ряд индексов (Индекс диссимиларности (ID), Индекс сегрегации (IS), Индекс неравенства (ID), Индекс изоляции (P\*), Индекс концентрации (IC), Индекс концентрации и сосредоточения (ICI) [Massey and Denton 1993]. Чаще всего используется индекс диссимиларности, который служит индикатором неравномерности расселения разных групп населения: он является наиболее универсальным.

Индекс диссимиларности показывает, в какой степени тип расселения той или иной группы соответствует типу расселения другой группы. Если такой референтной группой выступает большинство (например, «белые» американцы или англичане), то индекс диссимиларности называется индексом сегрегации. Нулевой показатель сегрегации говорит о полной ассимиляции этнической группы, 100 % сегрегации говорит о ее полной изоляции. Индекс сегрегации более 60 % характерен для афроамериканских гетто, для других групп населения он, как правило, меньше. Размер индекса зависит не только от численности группы и ее расселения, но и от размеров административных единиц. Желательно, чтобы они были одинаковы по численности, не слишком велики или малы. Исследователи полагают, что наиболее точно отражают степень резидентной сегрегации индексы, рассчитанные на основе данных по переписным округам (население которых около 60 тыс. чел.).



Индекс сегрегации отражает, но не объясняет причины изолированности тех или иных групп. Исследователи полагают, что чем дольше пребывала группа в принимающей стране, тем меньше уровень ее сегрегации. Усиливает индекс сегрегации языковой барьер. Беднейшие группы, ориентирующиеся на социальное жилье, также будут более сегрегированны, чем более благополучные группы. Исследования последних лет показывают, однако, что существуют примеры самосегрегации вполне благополучных групп, например евреев и индийцев в Лондоне.

В отечественной науке о человеке тема пребывания иммигрантов за пределами стран происхождения долгое время разрабатывалась с помощью понятия «этническая группа». Иммигранты рассматривались как представители того или иного этноса, оказавшиеся за пределами его проживания. Несколько специальных работ в советское время было посвящено разработке понятия «этнос» и производных категорий [Токарев 1964; Козлов 1967, 1970, 1974, 1979, 2005; Шелепов 1968; Чебоксаров 1967; Хомич 1969; Бромлей 1969, 1970, 1971, 1973, 1981, 1983; Чистов 1972; Мыльников 1975; Брук, Чебоксаров 1976; Марков 1977; Першиц, Покшишевский 1977]. Этнос или этническая группа — «это особый исторически возникший вид социальной общности людей, особая форма их коллективного существования» [Этнические процессы... 1987: 5].

Отечественные исследователи уделили внимание и такому явлению, как этническое самосознание, которое, «сформировавшись в ходе этногенеза, фактически выступает затем не только как важнейший определитель принадлежности (оттесняющий в этом отношении даже признак родного языка), но и как сила, объединяющая членов этноса и противопоставляющая их в этническом отношении другим этносам» [Там же: 6]. Для этноса характерны определенная территория и язык, но он может и не обладать ими или утратить их: «В ходе исторического процесса может значительно измениться этническая территория, а некоторые части этноса могут даже отколоться от его основного ядра; может измениться словарный состав языка, его морфологические, синтаксические и другие особенности, а некоторые части этноса вообще могут сменить язык, т.е. подвергнуться языковой ассимиляции; может сильно измениться материальная и духовная культура и т.д.; но пока у входящих в этнос людей сохраняются специфические этнические черты и самоназвание, этнос продолжает существовать как таковой» [Там же: 6–7].

Ситуация, при которой, будучи лишен почти всех типичных признаков, этнос остается этносом, заставила ряд отечественных исследователей обратиться к термину «этничность» как к некоему признаку, свойственному этносу и собственно делающему его таковым. К тому времени западная литература по проблеме этничности составляла многие тома и учет термина представлялся необходимым уже потому, что

его игнорирование означало бы пренебрежение огромным пластом исследовательской литературы.

Необходимость вовлечения в научный оборот западной литературы об этничности и задача определения качества «этнического», присущего любому этносу помимо его основных (порой отсутствующих) признаков, побудила С.В. Чешко одним из первых в отечественной науке о человеке дать следующее определение этому феномену. «Этничность, с одной стороны, — это представление о групповой солидарности, основанное на представлениях же об общих (не всегда реально общих) происхождении, исторических судьбах, интересах и культуре. С другой стороны, такие представления имеют объективную основу — они действительно вырабатываются реально существующими группами людей (народами), занимающими относительно обособленное положение в окружающей социальной среде» [Чешко 1994: 40].

Статья Чешко вызвала дискуссию на страницах журнала «Этнографическое обозрение». В 1995 г. там появилась статья В.И. Козлова «Проблематика “этничности”», где подвергались критике отдельные положения С.В. Чешко. Отмечая некоторые противоречия в рассуждениях Чешко, Козлов предлагает понимать «этничность» как «совокупность признаков или свойств, отличающих один реально существующий этнос от другого» [Козлов 1995: 50].

В 1997 г. вышла статья В.А. Тишкова, продолжившая дискуссию о феномене этничности. Тишков отмечает возросший интерес к концепции этничности, которая стала обретать все большую значимость в антропологической теории, «отчасти как ответ на меняющуюся геополитическую ситуацию постколониального мира и политическую активизацию этнических меньшинств в промышленно развитых странах» [Тишков 1997: 3].

Рассмотрев западные концепции этничности, Тишков своего определения этому феномену не дает, вероятно, не видя в этом необходимости, ибо «по сути, основным в феномене этничности является понятие идентичности, близкое по смыслу понятию этническое (самосознание) в русскоязычной литературе, но опять же с некоторыми существенными коррективами». «Этничность, — пишет В.А. Тишков, — это прежде всего то, что относится к осознанию культуры, ее использованию в качестве ресурса и в то же время является ее частью» [Там же: 13]. Тишков выдвигает ряд положений, касающихся этнической идентичности и представляющихся чрезвычайно важными:

«Этническая идентичность или принадлежность к этносу есть произвольно (но не обязательно свободно!) выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом (народом) национальностью / нацией (в

этническом смысле)» [Там же: 16]. Именно относительность и условность этнических границ, подвижность этничности интересует В.А. Тишкова. Он отмечает: «Вместо возрождения, формирования, перехода, исчезновения этносов имеет место совсем иной процесс — это путешествие индивидуальной / коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем в ряде случаев эти системы и возникают в результате дрейфа идентичности» [Там же: 17].

Тишков делает вывод о том, что «этническая идентичность — это не только постоянно меняющиеся представления о том, что есть группа, но это всегда борьба за контроль над данным представлением, за дефиницию, за то, что составляет главные черты и ценности группы» [Там же].

В данной работе мы понимаем под этничностью этническую принадлежность, иногда лично выбранную (хотя и под влиянием общественного мнения), но чаще обусловленную мнением большинства членов «принимающего общества» и мнением членов конкретной группы, к которой индивидуум принадлежит.

Обычно это принадлежность к той или иной этнической или политонимной группе. Именно так понимается «этничность» разработчиками переписи населения Великобритании, где уже дважды, в 1991 и 2001 гг., существовала графа «ethnicity» (этничность).

Итак, отечественные (преимущественно советские) разработки теории этноса, западные (преимущественно американские и британские) исследования этничности и попытки применить их позволяют предположить, что иммигранты, оказавшиеся вне страны происхождения, а часто и в инокультурной среде, представляют собой часть этноса (или являются носителями этничности), чье самосознание может способствовать мобилизации, сохранению черт этноса в другом мире, а порой и воспроизведению их. При этом возможно смещение этнической идентичности, а иногда и полная ассимиляция потомков иммигрантов местным населением, но возможно и сохранение членами этнических групп иммигрантского происхождения своей идентичности в течение ряда поколений.

Понятия «этничность», «этнос», «этническая группа» достаточно часто употребляются в академической литературе по рассматриваемому нами вопросу, но их оказывается недостаточно для описания современной картины расселения тех или иных групп. Этнические процессы последних десятилетий столь сложны и противоречивы, что «используемые в настоящее время для их описания и анализа понятия “нация”, “народность”, “этнос”, “национальное меньшинство”, “этническая

группа или общность” не охватывают всего многообразия и многоаспектности национального развития» [Тощенко, Чаптыкова 1996: 33].

Одним из главных терминов для определения жизни этнических групп в отрыве от основного этноса становится диаспора. Слово «диаспора» происходит от греческого «диасперос» (разбрасывать, сыпать семена). Первоначально оно относилось к конгломерату еврейских общин за пределами Палестины. Позднее уже как научный термин для обозначения зарубежных общин армян, греков, русских оно попало на страницы научных журналов и монографий. В академических кругах нет единства по поводу содержания понятия «диаспора»<sup>1</sup>, но вряд ли кто сомневается в существовании этого феномена как такового

В зарубежной (преимущественно англо-американской) академической науке тема диаспоры разрабатывалась в трудах Х. Толояна, У. Сафрана, Г. Шеффера, Дж. Клиффорда, А. Браха, Г. Файста, Дж. Берри и др. Особенно следует отметить работу Р. Коэна «Глобальные диаспоры».

Коэн перечисляет следующие характеристики диаспоры:

- 1) рассеяние;
- 2) экспансия за пределы родины в поисках работы, с торговыми целями или для удовлетворения колониальных амбиций;
- 3) колониальная память и мифологизация утраченной родины;
- 4) идеализация воображаемого наследия предков;
- 5) возвратное движение;
- 6) сильное групповое этническое самосознание, сохраняющееся долгое время;
- 7) сложные отношения с принимающей стороной;
- 8) чувство солидарности с этническими собратьями в других странах;
- 9) возможность созидательной работы на благо исторической родины [Cohen 1996: 180].

В работе «Глобальные диаспоры. Введение» Коэн высказывает следующие примечательные мысли по поводу диаспор: «Диаспоральная община представляется путем принятия неразрывной связи с историей миграции и смыслом этнического единства с другими, имеющими с ними родство происхождения» [Ibid: IX]. Далее он замечает: «Члены диаспоры чувствуют свое родство не только с членами того же коллектива на родине, воображают связь с “мифической” <...> родиной, но и сохраняют общую идентичность с членами той же этнической группы в других странах» [Ibid: 25].

---

<sup>1</sup> См., напр., статьи В.А. Тишкова, Ю.И. Семенова и С.А. Арутюнова в журнале «Этнографическое обозрение» [2000. № 2].

Одними из первых в отечественной науке попытку определения диаспоры как объекта исследования дали Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова, заметившие, что «диаспора — это устойчивая совокупность людей единого этнического происхождения, живущая за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющая институты для развития и функционирования данной общности» [Тощенко, Чаптыкова 1996: 37].

Рассматривая понятие «диаспора», они исходят из того, что, во-первых, одним из ее главных признаков является «пребывание этнической общности людей за пределами страны (территории) происхождения в иноэтническом окружении» [Там же: 35]. Во-вторых, «это такая этническая общность, которая имеет основные или важные характеристики национальной самобытности своего народа, сохраняет их, поддерживает и содействует их развитию: языка, культуры, сознания» [Там же: 36].

Авторы отмечают, что «диаспора имеет некоторые организационные формы своего функционирования, начиная от такой, как землячество, и кончая наличием общественных, национально-культурных и политических движений» [Там же]. Рассматривая диаспору как осмысленное объединение представителей определенного этноса за пределами традиционной территории проживания, Тощенко и Чаптыкова отмечают, что наиболее распространенной функцией диаспоры является «активное участие в поддержании, развитии и укреплении духовной культуры своего народа, в культивировании национальных традиций и обычаев, в поддержании культурных связей со своей исторической родиной» [Там же: 38].

Особое место авторы уделяют значению родного языка, который, однако, не всегда удается сохранить в диаспоре: «Общеизвестно, что язык в полной мере реализуется в компактной среде обитания, а в условиях дисперсного проживания может утратить свою коммуникативную роль. И как правило, полноценное функционирование языка зависит от его статуса в том или ином государстве. Формирующаяся диаспора обычно использует родной язык в неформальном общении и очень редко в преподавании в школе, в делопроизводстве, в средствах массовой информации. <...> Родной язык является ретранслятором национальной культуры, и утрата его оказывает прямое воздействие на некоторые ее компоненты, прежде всего в духовной сфере (обычаи, традиции, самосознание)» [Там же: 39].

Не менее важно, как отмечают данные исследователи, и сохранение этнической культуры — «компоненты материальной, духовной и соционормативной деятельности, отличающиеся в той или иной степени от иноэтнической и надэтнической культуры. Наиболее четко этниче-

ская культура проявляется в литературе, искусстве, в этнической символике, традициях, некоторых формах материальной культуры (особенно в питании, одежде), фольклоре» [Там же: 39]. Тощенко и Чаптыкова отмечают, что по истечению некоторого срока этническая культура диаспоры уже не является идентичной культуре этноса, от которого откололась этническая общность. На нее накладывает отпечаток культура иноэтнического окружения, а в результате возможной потери связи с материнским этносом утрачивается преемственность культурных традиций. Ситуация усугубляется трудностью сохранения этнической культуры в урбанизированной среде, где распространены стандартизированные эталоны материальной и духовной культуры.

«Сохранение этнической культуры во многом зависит от культурной дистанции между диаспорой и иноэтническим окружением, толерантности государства и, наконец, желания самой группы сохранить свою культуру» [Там же: 39]. Сохранение этнического самосознания остается, однако, главным условием сохранения диаспоры. Тощенко и Чаптыкова говорят также об экономической функции диаспоры [Там же: 40], однако нам представляется, что занятие предпринимательством в рамках диаспоры — не функция, а форма экономической деятельности, а часто и выживания диаспоры.

Термин «диаспора» становится все более популярным. С 1999 г. в Москве выходит журнал «Диаспоры», авторы которого пытаются разобраться, какое же значение несет этот термин. В первом номере редактор А.Ю. Милитарев отмечает, что «диаспорой обычно называют как процесс рассеяния первоначально единого человеческого сообщества, так и совокупность возводящих себя к этому сообществу групп, проживающих вне изначального района обитания» [Милитарев 1999: 24].

Автор констатирует: «В русском языке в последние годы — буквально на глазах — появилась неряшливая тенденция называть диаспорой любую этническую группу, кроме так называемых титульных наций» [Там же: 27]. Действительно, одна из серьезных проблем, связанных с изучением диаспор, вызванная широтой и неясностью термина «диаспора», заключается в том, что под диаспорой понимаются то отдельные этнические общины на местах, то совокупность всех представителей группы в рассеянии. Сходное наблюдение делают Брэзил и Маннур в своей антологии теоретических работ, посвященных диаспорам [Braziel, Mannur 2003: 4].

Налицо проблема непохожести диаспор, невозможности свести их к одной модели. Другой автор «Диаспор» В.А. Попков предлагает говорить о «классических» и «новых» диаспорах. Он отмечает, что «по сути, употребление термина “диаспора” явилось попыткой объединить все возможные процессы этнического размежевания. Это касается как “ста-

рых” этнических образований, <...> так и “новых” форм рассеивания, которые только стремятся к сохранению своей этнической обособленности и созданию собственных отличительных процессов» [Попков 1999].

К тому же «сам термин (диаспора) никогда не был научно-нейтральным и употреблялся чаще всего с эмоционально-оценочным оттенком» [Там же: 7]. Попков отмечает, что «в центре внимания исследователей “новых” диаспор находятся проблемы идентичности и формирования транснациональных пространств, в особенности когда их члены создают разветвленную систему социальных связей с принимающей страной» [Там же: 9].

Рассуждающий на страницах «Диаспор» о природе и смысле этого феномена В.И. Дятлов вслед за Г. Шеффером отмечает, что «диаспоры образовались путем насильственной или добровольной миграции этнических групп за пределы своей исторической родины. Они живут в принимающих странах на положении меньшинств, сохраняют свою этническую или этнорелигиозную идентичность и общинную солидарность» [Дятлов 1999: 8–9].

Можно согласиться с В.И. Дятловым: «Рассеяние превратилось в образ жизни, в особое устойчивое социально-экономическое, культурное, духовное состояние социума, особую форму существования в физическом и психологическом отрыве от этнического материала или без такового вообще» [Там же: 10].

Другой автор «Диаспор» В.А. Шнирельман отмечает такое важное явление, как мифы диаспоры. Он пишет, что поиск «золотого века» в глубоком прошлом выражался «в прославлении своих предков, их грандиозных свершений, их якобы великого вклада в историю и культуру человечества. Такое явление можно назвать “диаспорическим синдромом”» [Шнирельман 1999: 6].

Журнал «Этнографическое обозрение» продолжил тему, поднятую в «Диаспорах». В.А. Тишков начал дискуссию о природе диаспоры с упоминания мнения А. Милитарева о том, что «термин этот никакого универсального содержания не имеет и термином, строго говоря, не является» [Тишков 2000: 43]. Тишков не спорит с тем, что «феномен диаспоры и обозначающий его термин существуют» [Там же: 46]. Он приводит наиболее употребляемое современное определение диаспоры как «обозначение совокупности населения определенной этнической или религиозной принадлежности, которое проживает в стране или районе нового расселения» [Там же: 43].

Автор указанной статьи цитирует У. Сэфрена, определявшего диаспору как «экспатрированную общину меньшинства», для которой характерны рассеянность из первоначального «центра» по крайней мере в

два «периферийных» места; наличие памяти или мифа о «первородине»; «вера, что они не являются и не будут полностью приняты новой страной»; видение первородины как места неизбежного возвращения; преданность поддержке или восстановлению этой родины; наличие групповой солидарности и чувства связи с первородиной [Safran 1991: 83–84].

Сэфрен обращает внимание и на южноазиатов за рубежом. Он пишет: «Индийская диаспора является во многих отношениях настоящей (диаспорой). Она распространилась на три континента. Ее долгая история, ее роль (вспомогательная или посредническая) во многих принимающих обществах и различное отношение ее членов, варьирующееся от интернационализма до партикуляризма» [Safran 2001: 369].

Слабость наиболее распространенной концепции диаспоры, по мнению В.А. Тишкова, — в отказе учитывать изменение государственных границ, упрощении представлений о географии расселения той или иной этнической группы, наконец, в недоучете историко-ситуативного и личностно-ориентированного подхода к трактовке диаспор, а также в преувеличении степени их гомогенности и статичности.

Тишков предлагает считать, что «диаспора — это те, кто сам или их предки были рассеяны из особого “изначального” центра в другой или другие периферийные или зарубежные регионы. Этот изначальный центр условно называется “родиной”, миф о которой — одно из важных понятий диаспоры. Обычно под “родиной” имеется в виду регион или страна, где сформировался историко-культурный облик диаспорной группы и где продолжает жить основной культурно схожий с ней массив» [Тишков 2000: 48].

В отношении Индии и индийской диаспоры это определение представляется верным. Актуально и акцентирование В.А. Тишковым момента ситуативности, т.е. «определенного выбора в определенный исторический момент» [Там же]. Именно субъективный выбор выходцев из Кашмира в Англии определил регистрацию большинства их в качестве «пакистанцев» в переписи населения Великобритании в 1991 г. В то же время большинство индусов в Великобритании, в том числе и рожденных в странах Восточной Африки, назвали себя индийцами.

Бесспорно, для представителей первого поколения, оказавшихся за границей, важна «малая родина», часто даже не соотносящаяся с великой или мифической Родиной. Выходцы из той или иной панджабской деревни, проживающие в Канаде, едины в представлении о ней как об «отчем доме», но их политические симпатии могут быть различны. Мусульмане нередко считают своей родиной Пакистан, в котором никогда не были и к которому не относится их «малая родина». Сикхи могут величать Родиной Индию, но чаще Панджаб, причем часть их поддер-



живает сепаратистское движение за создание сикхского государства Халистан.

Говоря о понятии «родина» в диаспоре, В.А. Тишков отмечает, что «это рациональный (инструменталистский) выбор, а не исторически детерминированное предписание» [Там же: 47]. Он говорит о том, что «исторические групповые миграции, дрейф самой этнической идентичности и подвижность политической лояльности затрудняют определение “исторической родины”» [Там же: 48]. «Наличие и поддержание коллективной памяти, представления или мифа о “первичной родине”, которые включают географическую локацию, историческую версию, культурные достижения и культурных героев. Представление о родине как коллективная память есть созданная и выученная конструкция, которая, как любая коллективистская идеология, авторитарна по отношению к отдельной личности или каждому члену диаспоры» [Там же: 48].

Одно из определений, данных Тишковым, таково: «Диаспора — это те, кто сам или их предки были рассеяны из особого “изначального” центра в другой или другие периферийные или зарубежные регионы. Обычно под “родиной” понимается регион или страна, где сформировался историко-культурный облик диаспорной группы и где продолжает жить основной культурно схожий с ней массив» [Там же].

Среди характеристик диаспоры В.А. Тишков называет «фактор доминирующего общества или среды существования диаспоры». Он пишет: «Идеология диаспоры предполагает, что ее члены не верят в то, что они есть интегральная часть и, возможно, никогда не смогут быть полностью приняты обществом проживания и по этой причине хотя бы частично чувствуют свое отчуждение от этого общества. Чувство отчужденности прежде всего связано с социальными факторами, особенно с дискриминацией и принижением статусом представителей той или иной группы. Безусловный фактор отчуждения — культурный (прежде всего языковой) барьер. <...> В ряде случаев труднопреодолимый барьер может создавать и фенотипическое (расовое) различие. <...> Иногда <...> отчуждение вызвано трудностями хозяйственной адаптации к новой природной среде, требующей радикальной смены систем жизнеобеспечения и даже природно-климатической адаптации» [Там же: 49].

Примечательна идея Тишкова о том, что «еще одна характерная черта диаспоры — убеждение, что ее члены должны коллективно служить сохранению или восстановлению своей первоначальной родины, ее процветанию и безопасности» [Там же: 50]. Интерес правительства Индии, проявляемый к индийской диаспоре в последние два года, как раз и вызван ожиданием беззаветной службы родине со стороны диаспоры.

Несколько позже мы рассмотрим, насколько оправдались эти ожидания. Несомненно, однако, что представления о родине в диаспоре идеализированы, и они настолько сильны, что позволяют Тишкову дать следующее определение: «Диаспора — это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине» [Там же].

Далее следует весьма интересная полемическая фраза: «Диаспора — это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность». Заметим, что стиль жизненного поведения можно задать как изнутри, так и извне, например, из страны происхождения, той самой Родины.

Дело в том, что как раз в последние годы Индия проявляет после многих лет равнодушия повышенный интерес к своей диаспоре. Но что это за диаспора? В.А. Тишков упоминает индийскую диаспору как пример многоэтничной и собирательной категории: «Индийцы — это для внешнего мира, а в самой Индии живут не индийцы, а маратхи, гуджаратцы, ория и еще несколько сотен других групп, не говоря уже о разности религий и каст» [Там же: 52]. К тому же многие из индийцев за рубежом лишь временно. Они, вероятно, представители транснациональной общности, т.е. сохраняют контакты одновременно и со страной происхождения, и с принявшей их страной, не принадлежа полностью ни той, ни другой.

Феномен не знающих границ социальных связей известен давно, но, обозначающее его понятие появилось в середине 1990-х годов. Термин «транснационализм», вероятно, первыми в 1994 г. ввели в научный оборот Л. Баш, Н. Глик Шиллер и К. Бланк-Зантон. Под транснационализмом они понимали «процесс, с помощью которого иммигранты создают и поддерживают многослойные социальные связи, объединяющие страны происхождения и поселения»<sup>1</sup>.

Авторы замечают: «Наши более ранние концепции иммигранта и мигранта более не подходят. Слово “иммигрант” порождает образы постоянного разрыва, состояния оторванности от корней, отказа от старых привычек и болезненного освоения нового языка и культуры. Теперь появляется новый тип мигрирующего населения, состоящий из тех, чьи социальные сети и образ жизни включает образцы, заимствованные и посылающего, и принимающих обществ. Их жизни протекают поперек

---

<sup>1</sup> См.: [Basch, Glick Schiller, Blanc-Szanton 1994: 1]. См. также: [Hannerz 1996]. А. Портес разработал теорию транснационализма, используя термин «транснациональная общность» [Portes 1999].

национальных границ и соединяют два общества в единое социальное поле» [Glick Schille, Basch, Blanc-Szanton 2001: 1].

Эти исследователи «определили (разработали концепцию) транснационализма как процессов, в которых иммигранты создают социальные связи, которые соединяют вместе страну происхождения и страну поселения. Иммигранты, которые создают такие социальные поля, определяются как “трансмигранты”. Трансмигранты развивают и поддерживают многочисленные отношения — семейные, экономические, социальные, организационные, политические, которые пересекают границы. Транснационалы предпринимая действия, принимают решения <...> и формируют идентичности внутри социальных сетей, которые соединяют их в два или несколько существующих одновременно сообщества» [Ibid: 8].

«Внутри сложной сети социальных отношений трансмигранты привлекают и создают гибкие и многочисленные идентичности, сформированные как в обществах происхождения, так и в принимающих странах. В то время как некоторые мигранты идентифицируют себя в большей степени с тем или другим обществом, большинство поддерживают несколько идентичностей, которые соединяют их одновременно в более чем одну нацию [Ibid: 11].

В результате миграции (часто индивидуальной, но нередко и в составе коллективного перемещения) индивидум оказывается в незнакомой для него ситуации. Из-за неприятия обществом большинства он/она старается найти поддержку у соотечественников. Часто не принятые обществом, в которое они пытались экономически интегрироваться, мигранты создают свой микромир, основывая его на мифе о Родине.

В.А. Тишков отмечает также, что «современные диаспоры обретаю еще один важный аспект. Они утрачивают обязательную ссылку на какую-то определенную локальность — страну исхода — и обретаю на уровне самосознания и поведения референтную связь с определенными всемирно-историческими культурными системами и политическими силами» [Тишков 2000: 62]. Такими культурными системами и политическими силами являются как Индия, так и мир ислама, важные для южноазиатской диаспоры.

Ю.И. Семенов, продолжая на страницах «Этнографического обозрения» дискуссию о феномене диаспоры, предпочитает говорить о диаспоре как о части этноса («отдельных членов этноса, рассеянных по территориям, которые занимают другие этнические общности» [Семенов 2000: 65]) и об этносе, нежели об этничности. Он подчеркивает несводимость нации к одному этносу [Там же].

В индийском случае мы действительно не можем говорить об индийском этносе, но понятие «индийская нация» (народ) в ходу как у по-

литиков, так и у индийских историков. Конечно, степень гомогенности индийской нации далека от одной у французов или немцев. Но мы можем предположить, что, подобно населению бывшего Советского Союза, руководство которого говорило о сложении новой общности «*советский народ*», население Индии, объединенное политически и культурно, обладает чертами общности, которую индийские политики называют «индийской нацией».

Даже в большей степени, чем в случае с «советским народом», «индийская нация» обладает общностью исторического прошлого, сходным комплексом религиозных представлений и элементов культуры. Как и правительства многих полиэтничных стран, индийское руководство заинтересовано в представлении за рубежом своих граждан как единой нации, чему миф диаспоры о «Матери-Индии» более чем способствует.

Статья С.А. Арутюнова, как и работа Ю.И. Семенова, является полемическим откликом на положения, высказанные в работе В.А. Тишкова. Она в большей степени посвящена реалиям России, хотя упоминается в ней и индийский материал. Для нашей темы, однако, интересно соображение С.А. Арутюнова о принадлежности диаспоры более этносоциальному организму (ЭСО), нежели государству, стране. В частности, он пишет: «Диаспора бывает не у государств. Она бывает у ЭСО, наций или народностей, которые могут обладать своими национальными государствами, а могут и не обладать ими, но стремиться к их созданию (или не стремиться)» [Арутюнов 2000: 78].

Примечательно, что в качестве примера отсутствия диаспоры Арутюнов приводит санталов Восточной Индии. «У племен, строго говоря, диаспор не бывает» [Там же: 77]. С этим можно согласиться. Но как быть с государством? Конечно, существуют панджабская и малаяльская диаспоры. Но индийская диаспора тоже существует, причем именно Индийское государство в последнее десятилетие проявляет о ней немалую заботу, поддерживая «миф о Родине».

Не претендуя на окончательность и неоспоримость своих выводов, С.А. Арутюнов предполагает, что «диаспора — это не только и не столько состояние, диаспора — это процесс развития от “еще недииаспоры” через “собственно диаспору” к “уже недииаспоре”, причем различных типов — или к полностью ассимилированному компоненту, или к касте некогда инородного происхождения, или к ассоциированной национальной группе, или к полностью сформировавшейся новой общности» [Там же: 77–78].

К публикациям в «Этнографическом обозрении» тематически примыкают статьи сборника «Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.», в котором помещена работа З.И. Левина «Ментали-

тет диаспоры (Системный и социальный аспекты)». Левин, в частности, дает определение этнической диаспоры и отмечает ряд ее особенностей: «Этническая диаспора обычно в виде общины-анклава — это этнос или часть этноса за пределами страны их происхождения или выхода. Она существует, пока существует контакт между иммигрантами, достаточно эффективный, чтобы сохранялась этнокультурная специфика, наивысшим обобщением которой является специфика менталитета с характерным противопоставлением “Мы — они”, и оставалась необходимость в ней» [Левин 2001а: 45].

Левин делает вывод о том, что «менталитет диаспоры является производной ее адаптивного функционирования, и <...> община-анклав существует, пока не нарушена ее триада, т.е. пока имеется структура — достаточная численность и сплоченность общины, ее институты, обеспечивающие возможность контакта между мигрантами, позволяющего сохранить этнокультурную специфику» [Там же: 46–47]. Наличие и значение выделенной триады в диаспоре кажется обоснованным.

Неясность термина «диаспора» иногда провоцирует авторов на крайности. Так, М. Фадеичева пишет: «Существуют два противоположных состояния этнического индивида в его отношении к этнической общности: ассоциированное (от лат. *associatio* — объединение) и диссоциированное (от лат. *dissociatio* — разъединение, разделение). Первое представляет собой принадлежность к этнической общине. Второе — нахождение вне ее, в рассеянии, в диаспоре» [Фадеичева 2004: 140]. Однако рассеянные вдали от исторической родины индивидуумы (или, пользуясь термином М. Фадеичевой, «этнические индивидуумы») нередко объединяются в группы. Принимающее общество вынуждает этих индивидуумов держаться вместе. Многие культурно-бытовые особенности иммигрантов также требуют их самоорганизации, объединения, а часто и концентрации в тех или иных районах, городах принимающей страны. Так что здесь, вероятно, уместнее говорить об этнических индивидуумах, объединенных в группы, или частях этнических групп в диаспоре.

В этом плане нам представляется удачным определение З.И. Левина. Он считает, что диаспора — это этнос или часть этноса, который проживает вне исторической родины или обитания этнического массива, сохраняет представление о единстве своего происхождения и не желает потерять стабильные групповые характеристики, что заметно отличает его от населения страны пребывания. При этом он вынужденно (осознанно или неосознанно) подчиняется принятому в ней порядку [Левин 2001б: 5].

В нашем исследовании рассматриваются проживающие в диаспоре (точнее — в одном из ее «узлов») выходцы из Южной Азии, оказавшие-

ся за пределами Индийского субконтинента. Они сохраняют особенное этническое, политонимное или религиозное самосознание, поддерживают многочисленные связи с родиной и соотечественниками за рубежом, в той или иной мере поддерживают мифы «о родине» и о «возвращении на родину». Они организовали земляческие, кастовые, религиозные организации, не принятые полностью большинством общества в странах пребывания, и не считают себя только частью этого общества.

Представляется приемлемым употребление понятия «диаспора» в отношении зарубежных южноазиатов в целом, при этом термин «диаспора» применим и для обозначения отдельных национальных или религиозных групп (индийская, пакистанская, панджабская, сикхская диаспоры). При этом понятие родины, ключевое для диаспоры, меняется. Это может быть «большая родина» — Индия, «мифическая родина» — Пакистан, «малая родина» — Панджаб. Наконец, следует сразу сказать, что далеко не все выходцы из Южной Азии считают себя и являются частью диаспоры.